

О. В. Скобелкин

«РАССПРОСЫ» ВЫЕЗЖИХ ИНОЗЕМЦЕВ В ПОСОЛЬСКОМ ПРИКАЗЕ В 10–20-х ГОДАХ XVII ВЕКА

122

Анализируются первые контакты поступавших на русскую военную службу иноземцев с одним из русских центральных ведомств XVII в. – Посольским приказом.

This article examines the first contacts of future foreign mercenaries in Russian military service with the Posolski Prikaz in the beginning of the 17th century.

Ключевые слова: иноземцы, Посольский приказ, военная служба, Россия, XVII в.

Key words: foreigners, Posolski Prikaz, military service, Russia, 17th century.

Посольский приказ был первым центральным ведомством, с которым приходилось иметь дело каждому приехавшему на службу в Россию иностранцу. Сразу же после пересечения иноземцем границы воеводы соответствующего пограничного уезда допрашивали его о цели прибытия и докладывали об этом в Посольский приказ. Именно там принимали решение о пропуске иноземца внутрь страны.

Если в пограничном городе находился кто-то из иностранцев, пользующихся доверием руководителей приказа, то к нему обращались, чтобы выяснить, что представлял собой приезжий. Так, в 1617 г. Посольский приказ поручил двинским воеводам выяснить у отъезжавшего на родину английского посла Дж. Меррика о двух приезжих англичанах, «какие оне люди и чего от них чаять, не начает ли в них какие смуты и воровства». Когда выяснилось, «что те выезжие немцы люди худые, зерщики, воры; государю де в них службы и прибыли не будет», было решено их «воротить назад». Обоих англичан под охраной пристава передали Меррику, и тот, «тех немец взяв, отослал тотчас на карабль» [3, л. 1–2].

Если в Посольском приказе принимали решение принять иноземца, то его под охраной приставов доставляли в Москву, непосредственно в Посольский приказ. Здесь происходил еще один допрос приезжего. Самое первое упоминание о таких допросах мы находим в сочинении Генриха Штадена: «В Москве его (приехавшего в Россию иностранца. – О. С.) снова тайно и подробно расспрашивают обо всех обстоятельствах, и если его показания согласуются с тем, что он говорил на границе, ему дают тем большую веру и жалуют его. Несмотря ни на лицо, ни на одежду, ни на знатность, но ко всем его речам относятся с большим

вниманием». В своей «Автобиографии» Штаден уточняет, где именно происходили подобные допросы: «...я был доставлен в Посольский приказ, и дьяк Андрей Васильевич расспрашивал меня о разных делах. И все это тотчас же записывалось для великого князя» [11, с. 81, 91].

О каких же «всех обстоятельствах» и «разных делах» расспрашивали иноземца в Посольском приказе? Самая ранняя из известных записей подобного допроса относится к 1614 г., когда на службу принимали группу иностранцев во главе с Артуром Астоном [12]: «А сказал князь Ортемей (Астон. – О. С.) про себя, что он родом агличанин, рыцерского роду, да и сам он рыцерь, служил аглинскому королю и жил при короле блиско, а был дворянин комнатной. А про отчество его и про службу, и в какове мере он был при короле, и каково королевское жалование к нему было, сказал, ведамо подлинно аглинскому послу князю Ивану Мерику да аглинскому гостю Фабину Ульянову... Сказал про себя сам ротмистр Яков Шав: родом Шкотцкие земли, служил розных государств государем – аглинскому и шпанскому, датцкому, свейскому королем да галанскому князю. А про отчество и про службу сказал: ведамые свидетели – аглинской посол князь Иван Ульянов да галанского князя посланник Исак Аврамов, да галанской гость Карп Демуплин... Джан Кар сказал про себя: родом Шкотцкие земли, шляхта, преж сего служил у курфистра Брандерборского во дворе. А про отчество его сказал: ведамо аглинскому гостю Ивану Ульянову да князю Артемью, да дяде его Якову Шаву... Прапорщик Джан Графин родом, сказался, агличанин, преж сего служил аглинскому и свейскому королем и галанскому князю... Вилим Графин, родом агличанин, шляхта, служил аглинскому королю и галанскому князю... Томас Герн, родом Шкотцкие земли, служилой человек, служил в Прусской земле... Юрьи Дромонт, шкотчанин, служилой человек, служил преж сего в Прусской земле... Давыд Форсей, родом Шкотцкие земли, шляхтич...» [1, л. 110–112].

В 1618 г. шведский военнопленный Анц Юхом, который после подписания Столбовского мира обратился с просьбой принять его на русскую службу, «у выписки» в Посольском приказе показал: «Родом Цесаревы земли, отец-де его был у цесаря дворянин, и служил отец его и он, Анца, в Цесареве земле конную службу на 3 конех; а у свейского служил конную ж службу на 3 же конех, а шло ему от свейского короля на месяц по 15 ефимков, а на лошади давано овес и сено» [7, л. 2].

В 1619 г. подобной процедуре подвергся цесарец Юрий Граб, который «у выписки» в Посольском приказе «сказался родом Цысаревы земли, отец был у цесаря ротмистр конных немец и служил на 6 конех; да он, Юрья, в Цесаревой и в Свейской земли служил конную ж службу на 4 конех, а шло ему в Цесарех и в Свее найму на месяц по 15 ефимков, а на лошади даван овес и сено» [8, л. 10].

В 1622 г. капитан Франц Беннев был «в Посольском приказе роспрашиван» и так описал свою биографию: «...родом Цесаревы области волного города Статина... наперед сего служивал свейскому королю в Новгороде 3 годы, как был Новгород за свейским... А был в полку с Яковом Пунтусовым. А как служить не похотел, и его-де Яков Пунтусов из Новгорода отпустил... А после отпуска Якова Пунтусова служил он

во Гданске из найму бурмистром и ратманом 4 годы. И из Гданьска его отпустили... А как изо Гданьска поехал... служил в Слеской земле полгода. ... А после был в Статине, и из Статина ездил наимаца в службу к датцкому королю. И в Датцкой земле в службу его не приняли, и он из Датские земли приехал назад в Статин. А из Статина поехал в Московское государство...» [9, л. 2–3].

Приехавший в Россию в 1627/28 г. шотландец Роберт Кар «в Посольском приказе «у выписки сказал, что он... в Аглинской земле был служилой человек, служил у аглинского короля во дворянех ближних... а отец-де его был в Аглинской же земле у короля в ближних в больших дворянех, честной великой человек; а дядья де иво, отцу его родные братья — князь Роборт Кяр да князь Иван Геб — ныне у аглинского ж короля в ближних боярех» [4, л. 4].

Таким образом, в ходе «расспроса» в Посольском приказе выясняли место рождения приезжего иностранца; социальный статус его отца и ближайших родственников; этапы предшествующей службы — страны, где служил, и войны, в которых участвовал; воинские должности, звания и жалованье, которые иноземец получал до приезда в Россию. Все вместе это обозначалось термином «служба и отчество (отечество)». Все эти данные были необходимы, чтобы определить статус приезжего относительно тех иноземцев, которые уже находились на русской службе (кому приехавший «службой и отчеством в версту»), и, соответственно, размеры жалованья, которое ему нужно было назначить.

Посольский приказ старался по возможности проверять сведения, сообщенные «нововыезжими» иноземцами, для чего обращался к так называемым «знатцам» — иностранцам, уже находившимся в России, которые ранее были знакомы со вновь прибывшим. В случае с уже упоминавшимся отрядом Астона в момент их допроса осенью 1614 г. в Москве, видимо, не было служилых иноземцев, которые могли бы подтвердить их «службу и отчество»; не случайно, что и сам Астон, и капитан Шав ссылались на хорошо известных в России английского посла Дж. Меррика (Ивана Ульянова, он же Иван Мерик), английского купца Фабиана Смита (Фабина Ульянова), голландского купца Карла де Молина (Карпа Демулина), а также голландского посланника Исаака Массу (Исаака Аврамова). Руководство Посольского приказа обратилось к Ф. Ульянову: «И аглинской гость Фабин про князе Артемьиво и про ротмистра Якова Шава с товарищи про отчество и про службу, и в какове мере они у Якуба короля были, спрашиван. А в роспросе сказал про князя Артемья, что князь Артемей родом агличанин рыцерьского роду, честной человек, издавна жил при короле Якубе и ему служил, бывал в столниках и в чашниках; а после был моршалком, а по их чину в дворецком место, ходя перед королевским кушеньем, как к королю понесут кушенье, и жил при короле блиско, и в комнату к королю ходил, и король его за отчество и за службу жаловал и имел рыцарем. А про Якова Шава сказал, что он родом шкотчанин, честной человек и в службе и в воинских делах смьшлен и был ротмистр» [1, л. 110].

К Фабиану Смиуту как к «знатцу» обратились и в 1615 г., когда несколько человек, приехавших в Россию вместе с английским послом

Дж. Мерриком, направили в Посольский приказ просьбу принять их в русскую службу. Купец так охарактеризовал иерархию знатности своих соотечественников: «А аглинский гость Фабин Ульянов сказал про выезжих агличан, что Барноби Иванов родом шляхтич чесново дому, перед Яковом Шавом поменьши службою, а отчеством и больши Якова. Про Ивана Фельтина сказал, что родом шляхтич же, агличанин, только во всем не таков, поменьши Барнобия. А Иван Петров служивой ж человек, середней и поменьши во всем Иван Фельтина» [6, л. 3]. Любопытно, что здесь Ф. Смит в качестве своеобразного эталона использует «службу и отчество» своего знакомого — капитана Я. Шава, который к этому времени уже находился на русской службе и был поверстан жалованьем.

125

В том же году роль «знатца» исполнял вернувшийся из Англии сын Артура Астона «князь Ортемий» Астон, который незадолго до того вместе с отцом, Я. Шавом и еще рядом иностранцев поступил на русскую службу. Он ездил на родину за матерью, там женился, вернулся в Россию с женой и несколькими земляками, которые также хотели поступить на службу в России. В Посольском приказе «про отчество их князь Ортемий сказал: королевской дворянин шурин иво Томос Сентпал, отец иво был рыцарь и уездной воивода и комнатной дворенин... Шляхтич Ян Вудгет да Фрянсис, отцы их были у короля дворяня, а оба они в версту Яковлеву племяннику Шава Джан Кару, и жалованье им на приезде дано против его» [5, л. 7].

Помимо сведений личного характера Посольский приказ старался получить от приезжего информацию о текущей международной ситуации — «вести». Примером тому может служить «расспрос» уже упоминавшегося «цесарца» капитана Ф. Беннева, который рассказал о чешском короле, о войне Швеции и Речи Посполитой, об отношениях Турции с Речью Посполитой и императором [9, л. 5–6].

После «расспроса» в Посольском приказе принятые на службу иноземцы попадали в ведение Иноземского приказа и в дальнейшем, в течение всей своей службы в России, как правило, с Посольским приказом лично уже не контактировали. Однако на протяжении рассматриваемого периода было по крайней мере одно исключение. В январе 1615 г. (в документе указан только месяц, однако есть упоминание о недавнем приезде английского посла Дж. Меррика, который прибыл в Москву 22 декабря 1614 г. [10, с. 55]) А. Астон через переводчика П. Томосова обратился к руководству Посольского приказа с заявлением, что «есть за ним государево дело и ему б быти в Посольском приказе у них, диаков, и он государево дело им объявит». Об этом было доложено царю, и Михаил Федорович распорядился вызвать англичанина в приказ и расспросить. Думный дьяк П. Третьяков принял Астона 27 января, «а как князь Ортемей вшел в посольскую полату, и думной диак Петр Третьяков с ним витался, и сели по местом».

В начале разговора Астон сообщил, что в свите Меррика есть «агличенин шляхтич доброй, Шпетриком зовут, отецкой сын, а служил он в Свее свейскому королю. А из Свеи приехал в Аглинскую землю тому ныне третьей год». По словам этого Шпетрика, в войсках Делagarди в

Новгороде есть много англичан, шотландцев и голландцев, которые были бы не прочь перейти на русскую службу. Поскольку Меррик как посредник между Россией и Швецией будет посылать гонца в Швецию, то Астон предложил написать от своего имени и имени Шпетрика письмо «к тем немцом» с приглашением переходить на русскую сторону, а письмо послать с тем же гонцом. Третьяков отклонил это предложение, объяснив, что «такое письмо к тем немцом от себя с тем гонцом послати непригоже, потому только то письмо какими мерами у того гонца возьмут, и его назовут лазутчиком, что он ездит не посольским обычаем, перезывает ратных людей на государево имя; и доброму делу меж государя и свеиского короля тем учинитца поруха. И князь Ортемей себе подумал, а подумав, говорил, что то дело правда, писма им с тем гонцом к немцом от себя послати нельзе. Только которыми мерами у него то письмо возьмут, и доброму делу всему будет поруха. И его обезчестят, и тем немцом, к кому то писмо пошлют, будет худоба». Но от идеи снестись с «теми немцами» Астон не отказался и предложил вместо письма «с тем гонцом приказати от себя о том речью». Третьяков пообещал доложить об этом предложении царю.

Затем Астон сообщил, что, по словам того же Шпетрика, в Англии много «добрых людей от таковых ж версты, как он, князь Ортемей, будет», которые хотят приехать на службу в Россию, и предложил от своего имени направить приглашение и им. Кроме того, Астон просил позволения с гонцом, которого Меррик направлял в Швецию, «послать к жене своей в Аглинскую землю грамотку». Третьяков и на эту просьбу ответил отказом, мотивировав его тем, что гонец из Швеции вернется в Москву и в Англию не поедет. Астон резонно возразил, что из Швеции гонец может просто послать его письмо в Англию [2, л. 1–8]. К сожалению, выяснить, чем же в итоге закончились эти переговоры, не удалось, так как конец дела не сохранился.

Прием Астона руководителями Посольского приказа объясняется, по-видимому, двумя обстоятельствами. С одной стороны, в представлении русских властей социальный статус английского «князя» был чрезвычайно высок, особенно в сравнении с другими служилыми иноземцами. С другой стороны, на протяжении двух лет, с момента высадки в Архангельске и до официального принятия на службу, все вопросы, связанные с отрядом Астона, решались именно в Посольском приказе. Таким образом, английский «князь» был давно известен тогдашним руководителям внешнеполитического ведомства России — П. Третьякову и С. Романчукову.

Список источников и литературы

1. *Российский* государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 35. Оп. 1. №52.
2. РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. №55.
3. РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. №69.
4. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628. №75.
5. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1615. №2.
6. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1615. №4.
7. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1618. №2.

8. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619. №2.
9. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1622. №2.
10. *Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг.* М., 2006.
11. *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002.
12. *Скобелкин О.В.* Иностранцы на русском Севере в годы Смуты // Исторические записки: науч. труды ист. ф-та. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 5–20.

Об авторе

Олег Владимирович Скобелкин — канд. ист. наук, доц., Воронежский государственный университет, e-mail: ovs@box.vsi.ru

About author

Dr. Oleg. Skobelkin, Associate Professor, Voronezh State University, e-mail: ovs@box.vsi.ru

127

УДК 93

Ю. В. Лантева

ПРОЕКТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ Н.И. ПАНИНА — Д. И. ФОНВИЗИНА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДВОРЯНСКОЙ ОППОЗИЦИОННОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

На примере проекта Панина — Фонвизина рассматривается направление оппозиционной мысли второй половины XVIII в. Раскрывается проблема авторства проекта, анализируется идеал государственного устройства мыслителей.

This article examines the currents of oppositional thought in the second half of the 18th century through the example of the Panin – Fonvizin project. The paper addresses the problem of the project's authorship and analyses the thinkers' ideal of state structure.

Ключевые слова: оппозиционность, идеал государственного устройства, закон, монарх.

Key words: opposition, ideal of state structure, law, monarch.

Оппозиционность как способ противопоставления одних политических взглядов и идеалов другим, как политика противостояния господствующему направлению власти находит проявление во второй половине XVIII в. в политических трактатах, в прениях на страницах периодических изданий, в попытках представить свой идеал государственного порядка в различных проектах. Во многом противоположность идеалов Просвещения и исторических реалий того времени определяла актуальность таких проблем, как власть и общество, оптимальные типы государственного устройства, положение монарха, пути воплощения политических идеалов. Мы рассмотрим проявление оппозиционности